

На стр. 98—102 рассматривается игровая песня «Уж я золото хороню». Анализ различных вариантов этой песни, исполнявшейся в некоторых местах в качестве подблюдной, привел автора к правильному заключению, что эта песня чужда крестьянским гаданиям, что первоначальная ее основа — игра. Однако определение этой песни как произведения городского игрового фольклора остается недоказанным. На стр. 104 приводится подблюдная песня о богатых мужиках за рекой, гребущих лопатами и лукошками золото и серебро. Песня приводится как предвещающая прибыль — богатство. Но песня эта далеко не всюду так воспринималась; иногда ее, наоборот, считали предвещанием утраты близкого человека, смерти. В вариантах песни говорится и о жемчуге, который лопатами гребут мужики (серебро, жемчуг в народном поэтическом творчестве — часто символы слез). Вспомним использование этой песни и ее истолкование в пятой главе «Евгения Онегина» — «Но сулит утраты сей песни жалостный напев». Эта песня, под которую Татьяна вынимает колечко, — одно из художественных звеньев, связывающих главу пятую с шестой, где изображена смерть Ленского.

Отметив процесс разложения и перерождения новогодней песни на Севере еще в то время, когда она сохранялась в средней полосе России, В. И. Чичеров не ищет этому объяснения. Он лишь констатирует данный факт как «странное» для русского Севера явление, поскольку «именно там до XX столетия хранились и совершенствовались многие произведения народного искусства, исчезавшие в других местах» (стр. 163). Между тем следовало бы посмотреть, что происходит на Севере с другими обрядовыми элементами народного земледельческого календаря, и поискать объяснения худшей его сохранности на Севере по сравнению со средней полосой России в исторических условиях, в специфике производственной жизни северян.

Можно было бы привести и еще некоторые аналогичные случаи недосказанности или недостаточной аргументации, что приводит иногда к известной декларативности. Но все это — частности, мелочи, которые не влияют на общую высокую оценку всего труда.

Книга В. И. Чичерова — ценный вклад в науку. Нет сомнения, что, если бы не безвременная кончина автора, он продолжил бы свои плодотворные изыскания в области календарно-обрядовой поэзии. Надо надеяться, что у В. И. Чичерова найдутся последователи, которые подвергнут такой же тщательной и глубокой разработке другие периоды русского народного календаря.

А. М. Астахова

Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарий А. М. Астаховой. Изд-во АН СССР. Серия «Литературные памятники». М.—Л., 1958, 557 стр.

В современной советской фольклористической литературе нет ни одного сборника, который объединил бы все (или хотя бы важнейшие) разработки какого-нибудь одного сюжета или образа сказок, былин, исторических песен и т. д. В 1930-е годы, правда, делались отдельные попытки объединения различных вариантов одного сказочного сюжета (А. И. Никифоровым¹) или исторических песен одного цикла (А. Н. Лозановой²), однако эти публикации либо не получили отклика и затерялись на страницах научной периодики, либо значительно устарели. В области же былин подобных попыток вообще не предпринималось, если не считать появившегося почти столетие назад сборника Киреевского, в котором известные в то время записи XVIII и первой половины XIX в. были расположены по определенным циклам, намеченным его издателем П. Бессоновым. Подавляющее же большинство известных ныне текстов былин было записано во второй половине XIX и в XX в., причем варианты былин в сборниках группировались обычно по районам записи и по исполнителям. Подобный способ расположения текстов помог в свое время выработать важные для фольклористики представления о творческой роли сказителя, о различии областных школ сказительства, об активности бытования былин в отдельных районах и т. д. Однако не менее важное изучение процесса коллективного создания образа, уяснения богатства и разнообразия его варьирования и т. д., естественно, отодвигались на второй план.

Именно поэтому идея создания сборника, который объединил бы важнейшие варианты былин об одном богатыре — Илье Муромце, кажется нам чрезвычайно актуальной и плодотворной и в общетеоретическом, и в специальном былиноведческом плане. В то же время подобный сборник интересен и широким массам читателей, так как он сводит воедино все, что рассказал народ об Илье Муромце.

Следует подчеркнуть, что совершенно закономерно создание сборника такого типа на материале былин, так как именно в былинах образ героя-богатыря ясно выдвигается на первый план, решительно подчиняя себе развитие сюжета, композицию, разнообра-

¹ «Победитель змея (Из северно-русских сказок). 15 сказок новой записи А. И. Никифорова», Сборник «Сов. фольклор», № 4—5, М.—Л., 1936.

² А. Н. Л о з а н о в а, Народные песни о Степане Разине, 1928.

разные изобразительные средства и т. д. Закономерен и выбор Ильи Муромца — центральной фигуры русского эпоса, с которым связано наибольшее количество былинных сюжетов.

Сборник, составленный А. М. Астаховой, весьма успешно решает поставленную задачу. Тексты, в него включенные (44 номера), охватывают все известные сюжеты былин об Илье Муромце, причем большинство сюжетов представлено в сборнике в нескольких разработках, отражающих важнейшие и типичные областные редакции. Большой интерес представляют тексты казачьих былинных песен об Илье Муромце (12 номеров), сказок, рукописных и лубочных пересказов былин (9 номеров), которые образуют второй, третий и четвертый разделы сборника. Эти тексты довершают обрисовку образа богатыря, показывают его широкую популярность и дают интересный материал для изучения процесса коллективного создания образа, имеющего общенациональное значение.

В этом отношении можно было бы сделать единственное замечание: в сборнике, который направлен на выявление разнообразия сюжетов и их разработок, на демонстрацию действительно бытующих текстов, желательно публиковать полные записи, а не те части их, которые составитель считает наиболее интересными. Правда, с сокращениями даны только два текста (№ 2 и № 40), но лучше было бы избежать этого.

Тексты былин, составивших сборник, сгруппированы таким образом, что различные разработки одного сюжета и родственные сюжеты оказываются рядом, а все тексты располагаются в условно-биографическом порядке. Это вполне обоснованно и воссоздает именно образ Ильи Муромца, а не историю отдельных сюжетов. Однако выбор места для отдельных текстов в этой общей цепи не всегда можно признать бесспорно удачным. Конечно, возможно различное расположение текстов, так как сюжеты подчас переплетаются, выступают в разнообразных комбинациях и т. д. Вместе с тем нам кажется не вполне обоснованным размещение нескольких текстов.

Текст № 38, который, как следует из комментария, представляет собой сокращенный вариант «Трех поездок», помещен не в этой группе, а в группе «Илья и разбойники». На наш взгляд, группу «Бунт против князя Владимира» целесообразнее было бы дать после групп «Илья Муромец и татарское нашествие» и «Илья Муромец и Идолище», так как они тесно связаны между собой (что подчеркивается и в комментариях).

Статья А. М. Астаховой «Илья Муромец в русском эпосе» подводит итог изучению былин об Илье Муромце. Она помогает читателю не только правильно понять идейное содержание, художественные особенности, историю возникновения и развития этого важнейшего цикла русских былин, но и осмыслить их место и значение в общерусской былевой традиции. В обстоятельной статье есть, пожалуй, лишь один пробел — в ней почти ничего не говорится об образе Ильи Муромца в русской литературе, живописи и музыке. Между тем даже краткие сведения об этом подчеркнули бы общенациональный характер этого образа, значение его как неотъемлемого элемента русской культуры. Хотелось бы также, чтобы в статье резче были подчеркнуты монолитность, единство образа Ильи — главного героя русского эпоса. В сотнях разнообразных вариантов былин о нем нельзя отыскать ни одной противоречивой черты, тогда как, например, образы Василия Буслаевича, Алеши Поповича в разных вариантах противоречивы.

Интересна подборка напевов былин об Илье Муромце, подготовленная Ф. А. Рубцовым. Отрадно, что это — не обычное в фольклорных сборниках филологического плана «нотное приложение», а самостоятельный раздел, состоящий из 28 характерных напевов и краткой, но содержательной статьи «Напевы былин об Илье Муромце». Жаль только, что и Ф. А. Рубцов — если не считать беглого примечания о фантазии А. С. Аренского для фортепиано с оркестром — не сказал, использовались ли эти напевы в русской классической и советской музыке.

Чрезвычайно ценны библиографические указания, которые введены в текст комментария и распределены по сюжетам и группам родственных сюжетов. Без преувеличения можно сказать, что они делают рецензируемый сборник одновременно и капитальным библиографическим справочником, в котором столь нуждаются все интересующиеся русским эпосом, в частности — былинами об Илье Муромце. В этом отношении сборник «Илья Муромец» примыкает к известному двухтомнику А. М. Астаховой «Былины Севера», ставшему настольной книгой наших фольклористов.

Тщательно продуманный ссылочный аппарат сборника обеспечивает быстрое получение справки по любому вопросу, касающемуся как текстов былин об Илье Муромце, так и обширной исследовательской литературы о них.

Итак, новая работа одного из лучших знатоков русского эпоса проф. А. М. Астаховой интересна и актуальна по замыслу и выполнена чрезвычайно квалифицированно и основательно.

К. В. Чистов